

УДК 811.161.1'373.46

О РОЛИ ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ РУССКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В XVIII ВЕКЕ

© 2011 г.

А.И. Соколов

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

ruskaf@lti-gti.ru

Поступила в редакцию 22.12.2010

Рассматривается роль переводной литературы в формировании языка химии в России в XVIII веке. Анализируются факторы, влиявшие на терминотворческую деятельность переводчиков, на их подходы к передаче новых научных понятий, а также первые попытки перевода новой химической номенклатуры А. Лавуазье.

Ключевые слова: термин, терминологизация, заимствование, калькирование, языковой пуризм, химическая номенклатура.

Восемнадцатый век явился переломным в истории преобразования Государства Российского. Основание Академии наук и формирование научно-технической элиты страны положили начало интеграции российской научной мысли в европейскую. При очевидном векторе движения научных знаний (запад – восток) роль переводов научных трудов в формировании русской химической терминологии (РХТ) была велика. Принципы её формирования не могли быть выработаны сразу, и для первой трети XVIII в. особенно характерны активные процессы заимствования, а также поиски переводчиками наиболее подходящих, с их точки зрения, лексических соответствий научным понятиям средствами русского языка. Данные соответствия черпались, прежде всего, в фонде общей лексики через семантическое калькирование, что является обычной реакцией языка в период формирования его терминологий. Так, М. Кросланд отмечает, что исторически язык химии в части номинаций лабораторного инструментария, химических процессов и веществ во многом обязан обиходной, «кухонной», лексике [1, с. 65–66].

В то же время значительная часть неологической научной лексики – по некоторым наблюдениям, 90% новых слов языка относится к научной и технической терминологии [2, с. 3] – не могла найти по тем или иным причинам адекватного лексического отражения средствами собственного языка и, таким образом, передавалась в нём в виде т.н. материальных заимствований. Пласт подобных неологизмов (в том числе в РХТ) был велик, о чём переводчики В.Н. Никитин и П.И. Суворов, объясняя причины активного вхождения иноязычной научной

лексики в начале XVIII в., писали в 1787 г.: «Когда оныя иностранныя слова были в России с начала приняты, то сие было наипаче от иностранных учителей; и *нужда нам тогда надлежала вещей паче, нежели слов*»¹ (выделено нами. – А.С.) [цит. по: 3, с. 53].

При отсутствии сформулированных подходов к передаче новых научных понятий переводчики естественнонаучной (в том числе химической) литературы первой трети XVIII в. – а иногда и в более поздние периоды – дают притекстовые и внутритекстовые комментарии в виде русских аналогов заимствованной единицы или как её толкование. Так, притекстовые комментарии на полях содержатся в «Кратком описании комментариев Академии наук»: *проблема – задача мнительная; телеси крепкому металлическому – крушцевому; инструмент – орудие* [4, с. 116, 120, 119]. В «Исследовании сочинителя Ригера о воздухе» (перевод выполнен в 1744 г.) содержатся как притекстовые комментарии переводчика в виде сносок, так и внутритекстовые, заключенные в скобки: *Соли алкалическия называемыя Фикса, либо крепкия (: золы из трав и прочего зделанныя :). Глобус или реципиент¹ (: приемлющий :) содержит два фута кубических воды.* В сноске слову, помеченному звездочкой, дается толкование: *Химической сосуд, в которой идет из кубика пересидка* [5, с. 4, 7]. Антиох Кантемир как автор перевода «Разговоров о множестве миров», осуществленного в 1730 г., также часто прибегает к притекстовым (в сносках) пояснениям заимствований или предлагаемых аналогов (семантических калек) иностранного термина: *Ликвор.* Слово латинское, значит всякое вещество, котораго части меж собою не тверды,

но текущи, какова ест вода, вино, пиво, и проч. **Плотность. Solidité.** В других местах я тож изобразил речью **твердости** [6, с. 62, 172].

Если первая треть XVIII в. характеризуется вхождением большого количества материальных заимствований в фонд специальной лексики, то в дальнейшем намечаются первые подступы переводчиков к формированию определенной языковой политики в передаче научных понятий средствами русского языка. Многие переводчики в своих предисловиях отмечают самую большую трудность в работе – проблему выбора слова. Тот же А. Кантемир в «Предисловии к читателю» объясняет помещение своих комментариев необходимостью толкования научных неологизмов, среди которых выделяет как заимствования, так и исконную лексику, подвергшуюся терминологизации: «Приложил я к ней (книге. – А.С.) краткия примечания, для изъяснения так чужестранных слов, которыя и не хотя принужден был употребить, своих равносильных не имея, как и для Русских употребленных в ином разумении, нежели обыкновенно чинится» [6, без пагин.]. Проблема выбора эквивалента при переводе научных произведений (в том числе и химических) соотносилась с задачами упорядочения литературного языка, систематизации лексических средств в формирующемся научном стиле. Отчасти вынужденная «вольница заимствований», будучи не вполне системным и контролируемым процессом, сменилась иной тенденцией развития. Как отмечают исследователи, «появление иноязычной номинативной единицы на любом участке семантического пространства служит, как правило, импульсом, вызывающим контрноминацию силами языка родного» [7, с. 5].

Подтвержденная практикой (не без влияния опыта работы с переводной литературой) уверенность, что русский язык по своим возможностям не уступает языкам европейским, определила новые тенденции его развития, сформулированные М.В. Ломоносовым: «Ныне принимать чужих (слов. – А.С.) не должно, чтобы не упасть в варварство, как латинскому. Прежде прием чужих полезен, после вреден» [8, с. 768]. Принципы сохранения уже вошедших в обиход иноязычных терминов, использование греко-латинских элементов, а также лексического потенциала русского языка при создании новых номинаций поддерживаются и неким В.С. в статье «Некоторые общие примечания о языке Российском»: «Что же до терминов технических или искусством изобретенных слов принадлежит, то не удивительно, что оных мы не много имеем, когда французы и немцы, будучи про-

свещением старее нас, удержали в своем языке греческия и латинския речения, коих не могли перевести; тоже и о естественных вещах, кои в России не ведомы. Покойный Михайло Васильевич Ломоносов говоря о богатстве и силе Российскаго языка по справедливости напоминает: “И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному в нем искусству приписывать долженствуем”» [9, с. 82–83].

«Предисловия» к переводам трудов по естественным наукам – свидетельства о трудностях, с которыми переводчики сталкивались в работе. Помимо выбора терминологической единицы, озабоченность вызывали проблемы ее новизны, восприятия научным сообществом и внедрения в специальный узус. Так, М.В. Ломоносов в Предисловии к «Вольфианской экспериментальной физике» отмечает: «Сверх всего принужден был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей; которыя хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем чрез употребление знакомее будут» [10, без пагин.]. О терминотворческом аспекте деятельности переводчика пишет в предисловии к «Начальным основаниям химии» И. Эркслебена академик Н.П. Соколов, который, «не имея ниоткуда пособия, все почти термины должен был вновь выдумывать» [11, с. VI]. Переводчики И. Венсович и Н. Дьяков сетуют на трудности с передачей новой химической номенклатуры: «Имели мы великую трудность в переводе таких слов, которыя недавно еще вошли в употребление, и кои следовательно по недостатку их на Русском языке надлежало вновь выдумывать» [12, с. XXII]. Они же, говоря о необычности новой терминологической лексики, отмечают: «Всякое слово, входящее вновь в употребление, бывает сначала противно уху» [12, с. XXIII]. На свойство первоначальной «непривычности» неологизма и нейтрализации его новизны при вхождении в узус указывает Матвей Курдыман, переводчик «Опыта Кронштетова рудословия», полагающий, что новые термины, возможно, «сперва и покажутся странными, однакож частым таковым употреблением сделаются, подобно всем словам в свет выходящим, обыкновенными и привычными» [13, без пагин.].

Показательно, на наш взгляд, «Предупреждение» переводчика Космы Флоринского к «Начальным основаниям умозрительной химии» П.Ж. Макара, в котором он говорит не только о сложностях в поисках эквивалентов химическим терминам («при переводе моем за неимением химических слов на российском

языке имел я не малое затруднение»), но и о том, что в своей работе пытался следовать сложившимся традициям в терминопотреблении и опираться на его лингвистическую оценку химиками: «Я старался, сколько возможно, оныя слова изображать на российском языке: иныя выбирал из книг металлургических, о иных спрашивал ученых и знающих сию науку людей, а иныя, которых я нигде не мог найти, ни дать им пристойного знаменования, оставляя непереваденныя» [14, без пагин.].

Ограничения на заимствования, возникшие в результате двух пуристических «вспышек» в 40–50 гг. и в 80–90 гг. XVIII в. [7, с. 74] активизировали, на наш взгляд, терминотворческую работу переводчиков, среди которых были как молодые, так и уже маститые учёные. В то же время пуристическая реакция не могла исполнять роль «железного занавеса» перед естественным процессом интернационализации науки и ее терминологии. Так, часто в переводах параллельно с русскими аналогами используются уже вошедшие в обиход интернационализмы: *кривогорл – реторта, приемник – реципиент, сортутка – амальгама, светоносец – фосфор, стланец – шифер, извинка – алкоголь, дух – спирт, тепломер – термометр* и др. При этом ряд переводчиков признает бесперспективность собственных «пуристических» предложений. Переводчик А. Немый, комментируя оставляемый им термин *алкалические соли*, в примечании пишет: «По Руски весьма пристойно назвать *зольные соли*; но как *алкали* вошло уже на всех языках за термин, почему приуждено его и здесь оставлять» [15, с. 28].

Выход в свет химической номенклатуры А. Лавуазье (1787 г.), основанной на кислородной теории, ставит перед русскими переводчиками новые задачи. В России первый опыт передачи новой номенклатуры был представлен в переводах «Врачебной химии» австрийского химика Й. Жакена. Речь идет об одновременном появлении двух переводов – Ивана Венсовича и Николая Дьякова (1795 г.) [12] и Максима Парпуры (1796–1797 гг.) [16].

И. Венсович и Н. Дьяков в «Предисловии» пишут, что некоторые новые терминологические номинации «покажутся может быть слишком протяжны и тяжелы для слуха, а особливо те, которые составлены из трех или четырех слов; но в разсуждении сего мы можем оправдаться тем, что и в самом оригинале термины такие немаленьше протяжны» [12, с. XXII]. Отметим, что данный перевод во многом калькирует немецкие модели передачи номенклатуры А. Лавуазье. Так, для обозначения номенклату-

ры солей используется двусоставное атрибутивное словосочетание, где главный компонент – название металла, а зависимый – сложное прилагательное, построенное по модели *N-кислый*

(*-ая, -ое*) и указывающее на название кислоты: *соленокислая магнезия, сернокислая сода, уксуснокислая ртуть* [12, с. 114, 155, 120] (ср. нем. *salzsaure Bittererde, schwefelsaure Soda, essigsaure Quecksilber*). По такой же немецкой модели образуются сложные прилагательные в составе номинаций газообразных веществ: *солянокислый газ, сернокислый газ, плавкочинато-кислый газ* [12, с. 155, 208, 190] (ср. нем. *salzsaures Gas, schwefelsaures Gas, flußspathsures Gas*). Точно так же калькируются терминологические словосочетания для обозначения кислот с одним и тем же «основанием», но в разной степени «насыщенных» кислородным веществом, например: *несовершенная селитренная кислота / совершенная селитренная кислота* (нем. *unvollkommene / vollkommene Salpetersäure*); данные словосочетания в немецком варианте номенклатуры предлагались в качестве аналогов французским номинациям *acide nitreux / acide nitrique*.

Другая позиция к переводу терминоминаций выражена в «Предупреждении» М. Парпуры. Он полагает, что переводчик не может следовать оригиналу механистически, а должен находить те языковые соответствия в родном языке, которые бы адекватно отражали содержание научных понятий: «Иным не нравятся те переводчики, кои придерживаются более смысла, нежели слов, и что многие привыкают, оставляя смысл, судить об одних только словах; но сие, кажется мне, происходит от того, что несравненно легче переводить слова, нежели смысл» [16, с. VIII–IX]. В результате вместо относительно компактных (хотя и «протяжных») номинаций типа *сернокислая магнезия, сернокислая сода, уксуснокислая ртуть* в переводе появляются описательные словосочетания в виде предтерминов (предноменов): *магнезия, напитанная кислотою морской соли; сода, напитанная купоросною кислотою; уксусною кислотою напитанная ртуть* [16, с. 112, 115, 89]. В ряде случаев стремление переводчика к смысловой прозрачности, мотивированности терминоминации приводит к отказу от т.н. материального заимствования в пользу калькирования: «Гораздо более в моем переводе затруднения делали мне те химическая названия, которая за несколько только лет сделались известными. <.> Я разумею под сим *калорик, оксигений, гидрогений, азот* и т.п. Чтоб изъяснить

и действие и существо того, что разумеется под этими словами, я должен был назвать 1) *теплотворным*, 2) *кислотворным*, 3) *водотворным* и 4) *удушливым веществами*» (курсив переводчика. – А.С.) [16, с. X].

В обозначении разновидностей кислот с одним «основанием» М. Парпура делает отступление от терминологии немецкого оригинала (*совершенная / несовершенная кислота – vollkommene / unvollkommene Säure*), он берёт за основу французские (и латинские) номинации вроде упоминавшихся *acide nitrique / acide nitreux*, к которым предлагает русские аналоги – словообразовательные кальки: *acide nitrique – селитряная кислота, acide nitreux – селитроватая кислота, acide acetique – уксусная кислота, acide aceteux – уксусоватая кислота* [16, с. 81].

О непоследовательности переводчиков в передаче новой номенклатуры свидетельствует и перевод с французского «Химической философии» А. Фуркруа (1799 г.), выполненный хирургии кандидатами Иваном Книгиным и Иваном Каменским [17], в работе которых обнаруживается сильное влияние немецкой версии новой химической номенклатуры.

Так, названия кислот с одним и тем же «основанием», но с разной степенью «насыщения» кислородом калькируют немецкие аналоги: французские *l'acide sulfureux / l'acide sulfurique* передаются переводчиками как *серная несовершенная кислота / серная совершенная кислота* [17, с. 54]. В наименованиях классов солей, образованных «совершенными» и «несовершенными» кислотами, переводчики следуют особенностям немецкого варианта номенклатуры: фр. (лат.) *phosphates* передается как *фосфорнокислые соли, arseniates* как *кисломышьяковыя соли, phosphites* как *фосфорнокислые несовершенные соли* [17, с. 61]. Одновременно важный раздел классификации солей по названиям кислот (*sulphates, sulphites.. carbonates.. muriates.. prussiates*) переводчики целиком оставляют неизменным – в виде вкрапления [17, с. 78].

Следование немецким версиям перевода номенклатуры (в Германии разные варианты адаптации предлагались Ф. Греном, Й. Жакемом, Х. Гиртаннером и др.) отмечено и в переводе «Начальных оснований химии» Х. Гиртаннера, выполненном Я. Захаровым, в частности при передаче разновидностей кислот (*совершенные / несовершенные*), солей (модель *N-кислая соль*), а также других сложных веществ: *серноводотворной гас, фосфорноводотворной гас, фосфорнокислый гас* [18, с. 197, 199].

Изложенные наблюдения над процессом становления языка химии в России XVIII века могут быть сформулированы следующим образом:

В рассматриваемый период переводная литература оказывала достаточно сильное воздействие на формирование языка химии и его химической терминологии. Русские переводчики столкнулись с широкой палитрой терминологических номинаций в произведениях по химии (и смежным наукам), написанных по-латыни и на других европейских языках.

В процессе формирования РХТ – как через использование лексических возможностей русского языка, так и с помощью заимствования и калькирования – был подготовлен терминологический базис для передачи новой системы научных представлений и понятий химии, обобщенных в номенклатуре А. Лавуазье и его коллег.

РХТ развивалась в общем европейском терминологическом пространстве XVIII века, где наряду с процессами интернационализации терминологии существовали тенденции к «языковому суверенитету», сохранению и культивированию лингвистической специфики национальных терминологий и формирующихся научных школ, проявившейся, в частности, в различных способах передачи новой химической номенклатуры, созданной на базе французского языка. Подобные тенденции были особенно очевидны в странах, национальные языки которых не входили в романскую группу.

Язык химии в России XVIII века формировался как часть общелитературного языка, а потому, помимо внешних факторов, в большей или меньшей степени определялся несколькими векторами его развития (открытость для заимствований, вспышки пуризма, влияние церковнославянского наследия и др.).

Примечание

Здесь и далее цитаты из источников XVIII в. даются в современной графике; орфография и пунктуация оригинального текста сохраняются.

Список литературы

1. Crosland M. Historical studies in the language of chemistry. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 406 p.
2. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. 280 с.
3. Зубов В.П. Историография естественных наук в России. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 576 с.

4. Краткое описание Комментариев Академии наук. На 1726 г. СПб.: При Академии наук, 1728. 250 с.
5. Ригер И.К. *Dissertatio Rigeri medici quondam imperialis russ. de Aere*, т.е. Исследование сочинителя Ригера о воздухе / С латинского языка Кириакон Кондратовичем в 1744 году в марте месяце переведено. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1767. 75 с.
6. Фонтенель Б. Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла Парижской академии наук секретаря / С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1740. 200 с.
7. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.
8. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758. М; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 996 с.
9. [В.С.] Некоторые общия примечания о языке Российском // Академическая известия. Ч. 3. [СПб.]: При С. Петерб. Имп. Акад. наук, 1779. 456 с.
10. Вольф Х. Волфианская Экспериментальная физика / С немецкаго языка на латинском сокращенная. С котораго на российский язык перевел Михайло Ломоносов Имп. Академии наук член и химии профессор. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1746. 170 с.
11. Эркслебен И. Начальныя основания химии / С немецкаго на российской язык перевел Никита Соколов. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1788. 418 с.
12. Жакен Й.Ф. Всеобщая и врачебная химия / С немецкаго на российский язык переведена в Императорском Московском университете Медицинскаго факультета студентами, Иваном Венсовичем и Николаем Дьяковым. М.: Унив. тип., иждивением Ридигера и Клаудия, 1795. Ч.1. 463 с. Ч.2. 352 с.
13. Кронштедт А.Ф. Опыт Кронштетова рудословия / С прибавлениями г. Бринниха; Переведенный с немецкаго на российский язык Горнаго училища студентом Матвеем Курдыманом. СПб.: Печ. при том же Училище, 1776. 372 с.
14. Макер П.Ж. Начальныя основания умозрительной химии Ч. 1. / Перевел с французскаго языка Косма Флоринский. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774–1775. 428 с.
15. Геллерт Х. Начальныя основания металлургической химии: Ч.1: Металлургической химии первая теоретическая часть / Переведено с немецкаго артиллерии подполковником А. Немым. М.: Иждивением книгопродавца Х. Ридигера, 1781. 232 с.
16. Жакен Й.Ф. Начальныя основания всеобщей и врачебной химии. Ч. 1 / Перевел Максим Парпура. СПб.: Тип. Гос. мед. коллегии, 1796. 342 с.
17. Фуркруа А. Химическая философия, или Основательныя истины новейшей химии по новому образу расположенныя г. Фуркруа / С французскаго на российской язык переведена Московскаго врачебнаго училища хирургии кандидатами Иваном Книгиным и Иваном Каменским. Владимир: Тип. Губ. правления, 1799. 140 с.
18. Гиртаннер Х. Начальныя основания химии горючее существо опровергающей / Пер. с нем. СПб.: При Акад. Наук, 1801. 427 с.

TRANSLATIONS AND THEIR ROLE IN THE FORMATION OF THE RUSSIAN CHEMICAL TERMINOLOGY IN THE 18th CENTURY

A.I. Sokolov

The role of translations in the formation of the Russian chemical language in the 18th century is examined. Russian translators' approaches to the problem of rendering new scientific concepts and the first attempts to adapt Lavoisier's chemical nomenclature are analyzed.

Keywords: term, terminologization, borrowing, calque, language purism, chemical nomenclature.